

Судьба у Александра Гусева была очень тяжелой, я бы сказал – трагической.

Родился он 11 февраля 1939 года в деревне Шемякино, Порховского района, Псковской области.

Военное полуголодное время – детство.

Четверо детей в семье. Жизнь на оккупированной территории.

После войны переезд в Псков. Окончив в Пскове в шестнадцатилетнем возрасте школу, он строил свою дальнейшую жизнь без родительской помощи.

В 1958 году окончил Ленинградский радиотехникум. Отслужил в армии, в ракетных войсках, в 1961 году пережил клиническую смерть, работал на Псковском заводе радиодеталей, перепробовал массу профессий, прежде чем нашел свою единственную дорогу – к поэтическому творчеству.

Работал в Псковском историко-художественном и архитектурном Музее-заповеднике, в Псковской областной научной библиотеке.

В 1971 году заочно окончил знаменитый московский Литературный институт имени Горького, стал писать стихи, служить Музе.

У него выходят небольшие сборники стихов: «Пожелай мне удачу» 1971, «Земле кланяюсь» 1974, «Три свете памяти» (1984), «Измерения» (1990), «Если придти» (1996), «Небесный свет» книжка в коллективном сборнике «У родника» (1997), «До последнего дня» книжка в коллективном сборнике «Звучание свирели» (1998).

Исключение составил последний его прижизненный сборник «Колесо бытия» (1999), на 270 страниц.

Презентация этого сборника состоялась 17 декабря 2000 года на заседании клуба «Лира» в центральной библиотеке.

Открывая вечер, Саша сказал: – Я решил приурочить презентацию к важной для меня дате – Дню ракетных войск.

Для рядового-радииста Александра Гусева день рождения ракетных войск стратегического назначения, безусловно, знаковая дата. В эти войска он попал сразу после окончания радиотехникума.

Он был призван на службу в армию в специальный Испытательный батальон. Пройдя спецшколу, он работал на пусковой и финишной площадках, на которых проводились испытания ракет с ядерным топливом.

А в результате стал заложником государственной тайны.

Отсюда 25-летнее молчание об этом. Так приказала страна, взяв подписку о неразглашении тайны.

Стихи Гусева надо чувствовать и слушать, как музыку. Например, как «Лунную сонату» Бетховена... В стихах присутствует почти та же необъяснимая мелодия, которая завораживает и уводит нас в мир его поэзии:

*Рождённый в феврале, когда метели
За окнами, как плакальщицы, пели
И белой оборачивались мелой,
Я слышал звук единственной свирели,
Потерянно летящий над землёй.
Он был, как мне позднее объяснили,
Не к месту, не ко времени; но были
В нём дивно согласованы тогда
Дыханье звезды и лунной пыли
С мерцанием берёзы у пруда.
Он был, как я позднее догадался,
Изнанником, который расставлял
Навеки с поднебесной синевой;
Ещё звенел, ещё не затерялся
Над диким полем в жалобе глухой.
Он был отдохновением для слуха,
И, может быть, прекраснее всего,
Когда в глубинах творческого духа
Я узнавал гармонию его.*

Мир поэзии Александра Гусева не только земной мир, это мир космоса, вся вселенная, в которой поэт чувствует себя как дома, где «согласованы... дыханье звезды и лунной пыли с мерцанием берёзы у пруда». Поэтому всё происхо-

дящее во вселенной, во времени, происходит с ним – живой неотделимой от этого мира частичкой – мыслящей, страдающей и горящей:

*Меня ещё не было, нет,
И, может быть, вовсе не будет?
Пусть ждущий меня не осудит
За мой исчезающий свет.
Механика эта проста:
Держу я звезду на ладони,
Но с места не тронутся кони –
Отчаянны эти места.
Я сам слышал гибельный гул.
И сам, ни о чём не жалея,
Из огненных чаш Водолея
Смертельного яда влотнул.
Ну что ж вы, мои февралы,
Метельные белые кони,
Держу я звезду на ладони –
Дар неба для милой Земли.
Иного судьба не дала.
Спасительных слов мне не надо.
Над безднами рая и ада
Гореть и сгорать мне – дотла.*

Ни в одной своей строчке он не покривил душой, писал только тогда, когда не мог не писать, и то, что самого его трогало до глубины души. Родина, Россия и её судьба, народ, история, философское осмысление религии и веры – основные темы его творчества:

*И всё-таки, всё-таки, теплится Русь
В любой из былинкок, –
за что ни возьмусь,
Всё в бедной душе отзовется:
Уже позабытая всеми, кажись,*

*Что случилось, куда унеслось
Наше ВРЕМЯ, – в каких половецях?
Почему же нам здесь не жилось
На цветущих когда-то угодьях?
Что случилось – в какие года –
По какому закону и праву?
Разве нам не вернуться сюда –
В нашу добрую русскую славу!
Как и сама наша жизнь – его поэзия, – горькая и правдивая, выстраданная и смелая:*

*Вот и всё. Мы уходим во тьму,
Будто невиды... Господи Боже,
Обернуться – и то ни к чему,
Ибо так ни на что не похоже
Оставляемое на потом –
На грядущее, всё, без остатка:
Нет ни сада, ни дома – содом,
Захолустный вокзал. Пересадка...*

*Так и живём, как будто не сегодня.
И всё-таки, на всё она Господня
И милость, и любовь, и доброта.
И свет – непреходящий – от Креста.
Мастерство Александра Гусева как поэта росло от книжки к книжке. Иногда его считают сложным для восприятия, но это уже не его вина, а наша.*

Вот что написал о Саше в отзыве на Псковский поэтический сборник «У родника» в 1997 году известный русский поэт Николай Доризо: «Печалюсь от того, что по-настоящему не «прорезонировал» в минувшие десятилетия среди всеокой читательской аудитории Александр Гусев; судя по его части в сборнике, по «Свету небесному», перед нами давно уже сложившийся поэт подлинно истори-

*Только душа что-то помнит
о некоей свежести.
Память проходит,
и на сердце смертная мука.
Родина, родина,
дай на прощание нежности,
Словно соловушке, –
в жемчуге чистого звука.*

В этом стихотворении, написанном почти в самом начале своего творческого пути, Александр Гусев уже чувствовал всю пропасть, которая ожидает страну: развал, нищету одним и баснословное богатство других, духовный упадок.

Он как бы прощается со всем вместе, со временем: с прошлым, настоящим и будущим. С Родиной и просит на прощание нежности к себе и, главное, друг к другу, к словушке, которого надо вернуть, пропавшего, и выслушать его, наконец.

И понять – о чём это он?
И подумать...

Гусев никогда не шёл за «потребителем», он всегда жил в своём мире высокой поэзии и создавал именно её. Даже когда его не приняли с Союз писателей, после двух первых книжек (а Саша уже тогда жаловался, что его «тормозят» руководители местной писательской организации), Саша пишет гневный экспромт:

*У нас не только
тьма писателей, но тьма
От них самих.
Увы. Египетская... Боже!
На ощупь не найти достойного ума,
А горе от него – так это же дорожке
Себе... Всё прочее –
как бы мороз по коже.
Но кожа русская, и, значит задарма
Досталась...*

*– Это всё, не вдруг,
на смертном ложе,
Как ангел, возлежа,
я вспомню на потом,
Как хорошо я жил в Отечестве моём,
Вне всякой тьмы и тьмы,
и вне Египта – тоже.
(30 декабря 1987)*

Саша очень переживал. Что означало для него принятие его в Союз писателей?

Сам он говорил, что «поэзия для меня – всё, если бы я не писал – я бы не жил». Поэтому этот факт был для него равносильен тому, если б его расстреляли или спалили его «избу», жилище, в котором он жил.

И через день после написания экспромта Саша выплёскивает ещё не остывшую боль (заметьте – это он пишет совсем не о войне):

*Ещё не рассвет –
предрассветная дымка,
Я – чей-нибудь сын,
сирота, невидимка.
Я только что чудом
ушёл от расстрела.
Родная изба, словно факел, горела.
И падали сосны окрест, вековые.
Где – мёртвые,
где – отзовитесь! – живые?
Не слышу, не вижу, не помню, не знаю.
И снова зову, и себя называю.
Я здесь, я прошу подаяния крохи:
Своё Христа ради у страшной эпохи.
Своё Христа ради у вас за спиной.
Побудьте со мною,
побудьте со мною.*

*Что с нами со всеми
случилось – скажите.
Склонитесь ко мне, дорогие мои,
С души моей горестной
камень снимите,
А с горла – железные пальцы свои.
(1 января 1998)*

Но психологический надлом был настолько велик, что трагедия могла произойти каждую минуту. И единственным спасением для поэта и тут оставалась надежда и молитва:

*Только бы выдержатъ,
выжить! И снова –
Выдержатъ, выжить!.. Откуда во мне*

*Это смятение духа и слова
На недоступной своей албине?*

*Душу, в каком настоящем саубили,
Где научились не верить слезам?
Ули мои до сих пор не остыли.
Только бы выдержатъ, больно глазам!
Кто же я, отзвук, какого страданья,
И на каком говорю языке?
Ни у кого не ищу понимания,
Путник – с горящей свечью в руке.
(4 января 1998)*

Говорят, большой талант всегда одинок. Думается, в этом есть доля правды. Его мало кто понимал до конца, да он и не стремился к этому: «ни у кого не ищу понимания». Но писал так, как видел, слышал и чувствовал жизнь, своё время, как подсказывало его сердце – многострадальное и любящее. Он сам выбрал себе путь – одиночество. А за все связанные с этим лишения и трудности Бог награждал его талантом – быть истинно русским Поэтом. Талантом чутко и бережно относиться к Слову, любить Слово, свою родную землю, свой народ, а в конечном итоге, и свою горькую судьбу, как «самую лучшую долю».

Его Слово наполнено силой духа – силой божественной мысли. Всё его творчество рождено в муках духовной борьбы и твердо противостоит злу и произволу, бездуховности нашей эпохи. Оно несёт людям истинный свет спасения. Александр Гусев ищет истинную красоту, мелодию чувств, гармонию небес, и находит это в самом себе, создавая, силой божественной мудрости и вдохновения свои замечательные строки.

А в жизни ему, конечно, не хватало ласки, элементарного человеческого и женского тепла, простого ухода... Он жил среди своих бесчисленных книг, своей, наверное, самой большой в городе личной библиотеки. И умер в их окружении. Умер 20 октября 2001 года, как христианин, и святой отец успел отпеть его отлетающую в мир иной душу:

*Я – ВРЕМЯ
С уступа на уступ! –
Я уступаю землю
и травам и цветам,
чтоб раствориться вновь
В самом себе, и пусть,
как это я приемлю,
Взамен меня живёт
иная в мире кровь.*

*Я – время, я рождён
его летящей волей.
Я – время, я его знерши поток –
С прекраснейшей судьбой
и самой лучшей долей,
Которых я себе придумать бы не мог.*

*Не мог бы никогда я всуе покуситься
Стать человеком,
стать живейшим из живых.
С уступа на уступ! –
Как ручейком пролиться.
И небо надо мной
в потоках проливных.*

*Я – время, я лечу, я в землю ударяю,
И высекаю свет...
Как факел на ветру...
И если я сейчас
о смерти что-то знаю,
То расскажу о ней потом, когда умру.*

*Когда наступит миг,
как взрыв освобожденья,
Раскрепощенная сил, –
и белый-белый день
Ударит в сердце мне
сверхплотностью мановенья!..
С уступа на уступ! –
Последняя ступень.*

*Я – время, я его материя во плоти.
Неравноесенье сил, дарующее свет.
И мир наш навсегда
в немеркнущем полёте,
В той красоте любви,
в которой смерти нет.*

(Полная версия – на сайте)

Светлой памяти Юрия Ключникова

Склоним головы: только что, восемнадцатого апреля, оставил земные дела поэт Юрий Ключников. Это случилось в четыре часа утра, когда средино-весенняя природа уже готовится встретиться и впитать в себя всю благую силу солнца.

Плачь, Новосибирск. Скорби, литературная Россия...

...Многое можно было бы сословкупить к сообщению сколь краткому, столь же и горестному, но столь же и пронизанному надеждой на мирное воздаяние каждому из нас, трудящемуся на нашей земле во благо всех живущих, рождённых однажды и обречённых когда-нибудь оставить бытие, перейти в иные пределы.

Ровесник моих родителей, Юрий Ключников (1930-2024) на добрые двадцать с лишним лет превзошёл средние сроки русской жизни. Она на столетие, особенно мужское, с нашим-то послушным списком в историческом смысле, почти не рассчитана. За первые три-четыре десятилетия принято делать все основные ставки, а затем или выиграть, или смириться с тем, что не выиграешь никогда.

Но в сложнейшей игре, которую представляла и представляет собой до сих пор видимо бесосновная социальная структура русской жизни, Ключников не просто выиграл – он победил, избрав для себя полпаче воинуству редкостное и рискованное – участь поэта. Вызов его был таков, что, происходя из простой семьи, он, ощутив настоящие стили, сорвался в поистине огромное путешествие по вольным равнинам, разливам и пойменным лугам великой русской судьбы в двадцатом веке.

Одинадцатилетним он счастливо избегает немецко-фашистской оккупации в Харькове. Эвакуационный путь заканчивается в Ленинске-Кузнецком, где на заводе «Красный Октябрь» Ключников куёт Победу. После войны – Томский филфак, отделение радио, печати и телевидения

Высшей партийной школы при ЦК, сельская педагогика, журналистика. Не правда ли, исключительно ровная дорога к персональной пенсии? Нет, господа. Нет.

В 79-м за «идеализм и богоискательство» Ключников исключается из Союза писателей СССР и уходит в грузинки на хлебозавод, этого самого «богоискательства» не только не оставляя, но ища следы первопринципы всего бытия в горах Алтая, Индии и Непала, как пытался отыскать и утвердить её для миллионов и миллионов страдающих философ и художник Николай Рерих. Ничто не способно повториться: если Рериху было угодно говорить с миром на языке живописи и философии, то Ключников избрал для своего монолога длинной почти в столетие слово. От него он и не смог, и не захотел отступить. В поэтическом слове он с редким, доходящим до педантического, постоянством закладывал основание для каждого нового своего дня, и огонь его горел неизменно и ровно до самого сегодняшнего утра.

Скептики, разумеется, примут в тычки фразу о том, что на горной тропе жизни Ключников повстречал в основном недоумение, непонимание, равнодушие и недовольство, но эту фразу придётся сказать в назидание тем, кто так и не научился ценить людей лучших и беспрерывно отдающих всех себя на алтарь служения искусству и обществу. Список его отличий покажется длинным и значительным лишь тем, кто не только ничего не понимает в отличиях, но просто не всматривается в их суть, а она состоит в следующем: человек, чьи переводы охватывают сорок три века мировой поэзии, столкнулся с глухой и непримиримой блокадой со стороны крупнейшего регионального журнала (без внятного объяснения причин), а в Москве, несмотря на признание его заслуг, с внезапным (но таким ожидаемым) «вторым туром» голосование по одному важному вопросу и закономерным в той логике отодвиганием своей кандидатуры в пользу куда более «нужной» и защищённой приятельскими мнениями влиятельных лиц.

Ключников покинул этот мир в свой предрассветный час, когда имя его могло бы сделаться символом подвиж-

нического труда ещё при его жизни, но такова уж наша национальная рифма к беззаветному служению: только бытие и способно внушить согражданам благую мысль об истинном человеческом значении, только так они и могут оценить, кого они утратили.

Двадцать три тома Ключникова, последний из которых, переводов мировой христианской поэзии, выйдет на днях, ожидают смиренных своих исследователей. Здесь, в переложениях, он достигал высот высказывания, не обращая внимания на злобу и зависть высоко-профессиональных коллег, шептавших ему в спину о том, что академический перевод превыше всего, и надо быть верным первоисточнику... досужие недовольства! – Ключников и был велик тем, что, *скупулёзно верный подстрочнику*, он производил с текстом волшебное преобразование в «русскую сторону». И эфипоский копт, и византиец, и достославный индус, и абориген отдалёнейших островов мгновенно оказывались ясными русскому сердцу, едва Ключников брался за работу. Как?! Ещё не начав писать, он уже переводил внутри своей сокровенной души то, что в подстрочнике казалось инопланетным и чуждым логике не только нашей, но и любой национальной жизни.

Такие натуры куются у нас не часто... Ограниченные размерами своих урбанистически малогабаритных обиталищ, а в лучшем случае шесть сотками стандартных пригородных участков, мы забываем о нашем первейшем долге перед планетарным устройством – вселенности и всемирности русской цивилизации, должностующей отозваться всем без исключения феноменам человеческого времени и пространства! Жизнь Ключникова – уникальный пример того, как любовь к Отечеству и ко всему миру производит *всемирное гражданство души* без малейшего оттенка рабски колониопреклонённого перед Западом или Востоком космополитизма.

Да примет его тело родная всепрощающая земля, а неукротимый дух – тот Универсум, та Ноосфера, думам о которых он отдал столько драгоценных секунд и строк.

Некролог

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109
Тел. редакции: 8 (916) 015-80-69
Наш сайт: denliteraturi.ru Электронный адрес: denlitera@yandex.ru
Отпечатано в АО «Красная Звезда» (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).
Тираж 4 000

Главный редактор –
Валентина ЕРОФЕЕВА